

СОХРАНИТЬ И ПРОДОЛЖИТЬ

Алексей Пляхин

ЖИЗНЬ НА ВОЙНЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Центр «Отклик»

Алексей Пляхин

ЖИЗНЬ НА ВОЙНЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Курган
2008

Алексей Пляхин

**ЖИЗНЬ НА ВОЙНЕ
И ПОСЛЕ ВОЙНЫ**

*Много лет, как покончил с войной,
Много лет – ни атак, ни бомбежек.
А в душе до сих пор непокой,
От которого врач никакой
Излечить мою душу не сможет...*

Алексей Пляхин. Жизнь на войне и после войны.
– Курган, центр «Отклик», 2008. – 32 стр.

Составитель и редактор Л. Я. Витебский.

Материалы из личного архива Алексея Пляхина
представлены дочерью поэта Татьяной Курашко

Книга издана в рамках проекта «Эстафета творчества»
при поддержке экспериментальной лаборатории
региональных проблем социокультурного развития
Курганского государственного университета.

© Центр «Отклик», 2008.

Заказ № 854. Подписано в печать 04.09.2008. Тираж 200.

Макет изготовлен редакционно-издательским сектором
центра «Отклик». г. Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 54-20-53

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс».
г. Курган, ул. Промышленная 33, тел. 54-11-61

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ	4
КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ А. ПЛЯХИНА	5
КОЛЛЕГИ О ПОЭТЕ	6
В. Иванов	6
М. Львов	6
С. Поделков	7
А. Югов	7
В. Потанин	8
М. Дудин	8
С. Васильев. Трудный хлеб поэзии	9
М. Янко. Доверительность, искренность	12
И. Яган. Алексей Пляхин на войне и дома	18
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ	22
Гляжу на старенькое фото	22
Памятник поколению	23
«Желанный, добрый дом наш отчий»	24
Родство	26
Моя деревня	27
Строки о дружбе	27
Встреча с поэтом	29
Тане	30
Белозерка	31
«Их нет...»	32

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Родился давным-давно в 1918 году, 3 октября. В Лебяжье-вском районе. Деревня, в которой родился, называлась Кабаково. Тогда еще не было Курганской области, а была большая область Уральская. Первым секретарем обкома был человек – говорят, прекрасный коммунист, настоящий ленинец по фамилии Кабаков. Он оказался «врагом народа», был репрессирован и расстрелян. Репрессировано было и название моей деревни. И она стала называться деревней Фрунзе. Кабаков был посмертно реабилитирован, восстановлено его честное имя. Но деревню мою не коснулась реабилитация, и она до сих пор остается деревней Фрунзе.

В этой деревне пошел в школу, когда мне было целых шесть лет. Я в это время отлично и бегло читал – и не только букварь. Ноничего не понимал из того, что читал. Потом продолжал учебу в начальной школе с. Лебяжье, куда переехали родители, сменив место жительства, после пяти классов поступил в подготовительную группу а затем на основной курс Чашинского молочного техникума. Но закончить его помешала война, сначала – финская, а затем – Великая Отечественная.

В качестве механика-водителя самоходного орудия довелось дойти до фашистского логова – до Германии, встретиться на Эльбе с американцами, оставить свой автограф на стене рейхстага в Берлине. Эта страница моей военной биографии детально описана в поэме «Возле чужого счастья».

После войны я в основном – газетчик. Был литературным работником, секретарем и редактором Белозерской районной газеты. В это же время заочно учился в Литературном институте имени Горького при Союзе писателей СССР, закончил его. Много дало мне общение с крупными писателями на творческих семинарах, при встречах с такими литераторами, как Ярослав Смеляков, Михаил Светлов, Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Константин Симонов, Борис Ручьев, Сергей Васильев, которых, к сожалению, нет сегодня среди живых.

Руководителем моей дипломной работы был широко известный поэт Лев Ошанин, контакт с которым сохраняется до сегодня.

С 1959 года живу в Кургане. Работал в областной газете «Советское Зауралье», в Комитете по телевидению и радиовещанию. В течение пяти лет перед выходом на пенсию был редактором-учредителем и первым редактором «Курганского вестника».

В 1979 году принят в Союз писателей СССР.

Занимаюсь сейчас творческими и общественными делами. Выпущены поэтические сборники «Зауралье мое», «На тополином берегу», «Перелесковый простор», «Сердцу близкое», «На войне и дома», «Верность».

ДОПОЛНЕНИЯ

Окончил Чашинский молочный техникум, Литературный институт им. А. М. Горького (заочно). Участник Великой Отечественной войны, прошедший с боями путь до Берлина. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени и девятью медалями. Член КПСС.

В 1946-1959 годах – в Белозерском районе: редактор местного радиовещания, учитель Доможировской начальной школы, художественный руководитель районного Дома культуры, литработник районной газеты, редактор районной газеты, заведующий районным отделом культуры.

С конца 1959 года – в Кургане: литсотрудник редакции областной газеты «Советское Зауралье», заместитель ответственного секретаря этой же газеты, собственный корреспондент по Кетовскому и Юргамышскому районам, заместитель начальника областного отдела Союзпечати, корреспондент областного радио, редактор газеты «Курганский вестник».

Первое стихотворение опубликовано в 1941 году в армейской газете «Красный боец». После войны печатался на страницах местных и центральных газет и журналов, Член Союза писателей СССР. С 1960 по 2003 годы вышло 9 авторских поэтических сборников.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ А. ПЛЯХИНА

Зауралье мое. Курган, 1960, тираж 2000.

На тополином берегу. Стихи. Челябинск, 1973, тираж 5000.

Перелесковый простор. Стихи и поэма. Челябинск, 1978, тираж 5000.

Сердцу близкое. Стихи и поэмы. Челябинск, 1982, тираж 5000.

На войне и дома. Стихи и поэма. Москва, изд-во «Современник», 1986, тираж 10000.

Верность. Стихотворения, поэмы. Челябинск, 1987, тираж 5000.

Исповедь. Стихи и поэмы. Курган, 1991, тираж 3000.

Незабываемое. Из серии «Поэтическое Зауралье», Курган, 1993 г., тираж 2000.

А в душе – непокой... Из серии «Стихи зауральских авторов», Куртамыш, 2003, тираж 300.

КОЛЛЕГИ О ПОЭТЕ

Всеволод Иванов. – Стихотворения Пляхина указывают, что у поэта есть свой голос. Голос этот пока не велик, не так уж силен, но, надо думать, что работа и упражнения разовьют его. У тов. Пляхина есть нотки юмора, это мне нравится. Юмор – драгоценное качество, и поэт им должен дорожить, должен работать над ним, развивать его. Писать тов. Пляхину надо много, каждый день, и тогда, будем верить, он вырастет в большого хорошего поэта, которым будет гордиться не только го-

род Курган или Курганская область или даже Урал, но кто-нибудь и дальше этих местностей.

10 декабря 1955 г.

Михаил Львов. – Алексей Пляхин – участник Великой Отечественной войны, на фронте был командиром самоходного орудия, награжден боевыми наградами, в том числе орденом солдатской Славы. Войну закончил в Берлине, расписался на стене рейхстага. После войны заочно окончил литературный институт им. Горького.

Стихи Алексея Пляхина рождены самой жизнью, прекрасной биографией автора и его поколения* плодотворной почвой родной земли. Стихи его, думы, волнения, тревоги и радости, живущие в них, истинны и искренни, глубоки и пронзительны.

Большие мастера нашей литературы Сергей Васильев и Алексей Югов в свое время давали высокую оценку стихам Алексея Пляхина.

Горячо относятся к творчеству Алексея Пляхина и многие современные писатели и поэты Урала – его земляки, а также читатели и любители поэзии. И себя я отношу к числу ценителей его стихов.

Сергей Поделков. – Алексея Пляхина знаю давно, он из тех, которые работают несколько замедленно, неторопливо, но добросовестно. Он понимает, чего стоит поэтическое слово.

То, что его стихи сработаны профессионально – не может быть и речи, главное в другом – в их внутреннем состоянии, психологической окраске; черты времени нанесены на лицо его творчества резко и отчетливо. Вотдельных вещах мысль его оттенена легкой иронией, она выразительно мелькает в строках.

Он не боится внести в свою лирику сугубо «канцелярские» прозаизмы:

Они живут на свете капитально,
Не предаваясь хлопотам пустым:
Солидность – годам пропорциональна,
А годы их – высотам должностным.

Здесь есть умение распорядиться словом по своему усмотрению. А это очень ценное свойство литератора.

Поэзия А. Пляхина по-хорошему гражданственна, она от пережитого... И чувствуется, что автору досконально известна та жизнь, которая «встарь» охватывала русскую деревню:

Тут сторона поместий целых,
А там дворы – все брешь да плешь.
Но ты держись в своих пределах,
Не перешагивай рубеж!
Но, направляясь на вечерки,
Не пасовала голь и рвань
И отвергала громко к черту
Ту оскорбительную грань.

Но и свет современной крестьянской жизни искрится в его образах. Острое видение действительности, непосредственное ощущение духа народа, его сибирского говора, дает возможность А. Пляхину правдиво воспроизводить и далекую деревенскую быль и современность.

Май 1979 г.

Алексей Югов. – С полной убежденностью, что время для этого настало, рекомендую в члены Союза Советских Писателей поэта и литератора Алексея Михайловича Пляхина, автора двух сборников стихов, уже имеющего литературную известность в Зауралье и Сибири.

А. М. Пляхин – воин Великой Отечественной войны и человек большого трудового пути, – более двух десятилетий после фронта.

Давший «путевку в жизнь» его второй книжке стихов, ее редактор Сергей Васильев, цитируя ряд отличных пляхинских стихотворений, справедливо замечает, что в поэзии Алексея Пляхина «жарко бьется пульс патриота, очарованного современностью, радостью трудового бытия». Родина, пламенный труд, люди и природа Зауралья и Сибири, – вот средоточие, вот сердце творчества Алексея Пляхина! На протяжении многих лет он ведет большую литературно-общественную работу в Зауралье.

23 мая 1974 г.

Виктор Потанин. – Стихи Алексея Михайловича Пляхина привлекают меня глубоким содержанием и высокой силой чувств. Они очень патристичны, в них горячо слышится пульс жизни. В его поэтических сборниках «Зауралье мое», «На тополином берегу», «Перелесковый простор» сошлись все его лучшие стихи – его самые отличные строки. Думаю, что этим книгам суждено большое будущее. Недаром они высоко оценены нашей критикой.

Стихи А. Пляхина дошли до Берлина. Как читатель, горячо принимаю его стихи о войне, о Родине, о мечте... Поэт много пишет, ведет большую общественную работу. С радостью и волнением рекомендую его в Союз.

18 февраля 1979 года.

Михаил Дудин. – Горячо рекомендую принять членом в нашу творческую организацию А. М. Пляхина поэта, автора сборников «Зауралье мое», «На тополином берегу» и «Перелесковый простор», сборников вне всякого сомнения талантливых, отмеченных особым солдатским опытом познания нравственных основ жизни. Надеюсь и верю в то, что это пожилой скромный человек, своей судьбой – скромной и прекрасной – украсит наш творческий союз.

11.02.79., Ленинград.

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ ПОЭЗИИ

Сергей Васильев

Стихи Алексея Пляхина – плод биографии бывшего фронтовика и многолетнего газетчика. Основа его стихотворчества – наблюдения повседневности, зарисовки увиденного в жизни, почти очерковая достоверность.

Хорошо это или плохо? Разумеется, хорошо. Жаль только, что порой в красочное поэтическое повествование вторгаются элементы прозаизмов, которые снижают поэтическую речь.

И все же с добрым чувством представляю поэта Алексея Пляхина, надеясь на то, что лучшие его стихи произведут на читателя отрадное впечатление, запомнятся.

У меня особые основания к тому, чтобы предварить этот маленький сборник: Алексей Пляхин живет и пишет в Кургане, в моем родном городе, который мне дорог со всеми его окрестностями, с трудолюбивыми людьми, населяющими их.

Много душевных строк и строф и сборнике. Я беру некоторые наугад. Вот, например, из стихотворения, названного знаменательно и правдиво – «Трудный хлеб»:

Степь – в разливах вызревшего хлеба,
Вытканый пшеницами простор.
И опять, закрыв почти все небо,
Дождь свои крыльца распростер.
Он поет свежо, разноголосно.
Изредка покашливает гром...
И ревушей техники колеса
Роят под собою чернозем.

Тому, кто видел страдные осенние дни и ночи в Зауралье, когда, не дай бог, заладят затяжные нудные дожди, когда не видать конца и края ненастной обложной сырости, – тому будут очень понятны огорчения поэта:

Слышится: «Какая ж тут работа!
Не поднять, не взять ни колоска!»
Но все уже дали обмолота,
И все шире грузные тока.

И ниже с веселым чувством настоящего трудолюбца, с некоторым даже рабочим озорством сказано:

Едим потом обожжен и полит
Каждый шаг и нивы и жнивья,
Ни о чьей тут милости не молят,
Полагаясь только на себя
С озорною удалью и блеском,
Всем капризам бога вопреки.
Хоть порою – в смысле небблейском –
Вспоминают бога земляки.

У Алексея Плехина есть ощущение золотой осенней поры как благодатного времени года. Конечно, такое восприятие лежит в традиции всей нашей отечественной поэзии, но если традицию понимать не как рабское повторение пройденного, а обновлять ее, то получается развитие предшествующих образцов. Алексей Плехин в этом смысле имеет свои находки:

Как будто в мир
чудесных откровений
попал я вдруг,
увидев лишь теперь,
что осень – время
и приобретений,
которых, может, больше,
чем потерь!

Не знаю, кому как, а мне решительно нравится стихотворение «Земля», в котором вволю света и тепла, неподдельной любви к жизни и житейского лукавого оптимизма.

Кроме того, в «Земле» жарко бьется пульс патриота, очарованного современностью, радостью трудового бытия:

За все Земля в тревоге и в ответе.
Дана ей чудодейственная власть:
что на Земле,
то – в золоте и цвете,
лишь связь бы с нею
не оборвалась.
Не потому ли именно
я выжил
на той войне
в погаснувшей дали,
что родился приземистым и рыжим –
вовсю своим
для Солнца и Земли.

Влюбленный в Землю, всем существом привязанный к ее могучей красоте, поэт с восхищением видит, как стелется Земля

То – нивой,
то ковром ракетодрома.
Не оттого ль
вам в космосе тепло,
и по нему шагаем мы,
как дома,
весомо –
невесомости назло.

В сборнике «На тополином берегу» имеются, безусловно, удаchi. К ним можно смело отнести такие стихотворения, как «Хлебороб», «Сосны у села Речкино», «В осеннем сквере», «Трудный хлеб», «Дедушка Иван», «За Одером», «Домик Чехова».

Алексей Плехин пишет и публикует стихи в областной печати давно, более двух десятилетий, наиболее совершенные из них приобрели, разумеется, своих благодарных читателей.

Из книги: С. Васильев. Зарубки на память. М., 1975.

ДОВЕРИТЕЛЬНОСТЬ, ИСКРЕННОСТЬ

Профессор М. Янко

Начинал А. Пляхин с небольшой книжечки «Зауралье мое» (1960), изданной в Кургане. Несмотря на пестроту представленных стихов и декларативность некоторых из них, первый сборник привлек внимание читателей искренностью поэтического слова, доверительной интонацией автора.

В стихах второй книги «На тополином берегу» (1973) – проступает одна из особенностей поэтического почерка поэта – сочетание значительного и большого с повседневным, будничным, житейским. Ярче выписаны здесь социальные и бытовые приметы родных мест, сильнее звучит лирическая струя.

Сборник «Перелесковый простор» (1978) – новый этап в развитии его творческой индивидуальности. Углубляется художественное мировосприятие. Зримее проступают черты сегодняшнего дня родной земли. Разнообразнее становятся поэтические краски, обостряется чувство слова. Острее разит сатира обывательскую накипь.

«Сердцу близкое» – это художественный свод многолетних исканий, размышлений и переживаний поэта. Представленные в книге стихи глубоко современны. Они вобрали, отразили душевную силу и красоту советского человека, боли и тревоги нашего времени.

«Сквозной» темой творчества А. Пляхина является родной край, Зауралье. Еще студентом литературного института им. М. Горького он выступил с дипломной работой, посвященной отчему краю, малой частице русской земли. От родного и близкого, любимого и выстраданного шел поэт в глубины человеческого сердца, открывая прекрасное в окружающей жизни. О верности этой теме свидетельствуют и заглавия его книг.

Природа и люди родных мест вошли в его стихи естественно и просто, соединившись с личностью самого поэта. Они стали частью его судьбы и предметом поэтического исследования.

Пейзажные стихи несут зримые приметы зауральской природы. Одним штрихом он рисует, например, наступление весны: «...Рвут на потемневших склонах одежду белую поля». Поэт не ищет громких слов для изображения пейзажа родного края. Его стихи спокойны, теплы и прозрачны. Они наполнены светлым чувством радости бытия, проступающим порою сквозь едва приметную грустинку («Осень»).

Родное Зауралье встает в стихах А. Пляхина в трудовых свершениях

земляков, в «сгущенном запахе полей», полных и обожженных потом хлебороба, в «Жарком хлебе» на крестьянском столе.

Светлой поэзией далекого детства дышит одно из лучших, на наш взгляд, произведений этого цикла – «Березовый рям». Живые воспоминания о юных днях, «когда березы были розовы», перекликаются в нем с грустным чувством невозвратной потери, «тропинки к детству» своему, с властными требованиями сегодняшнего дня. Скорбной памятью сердца проникнуто стихотворение «Ливень», посвященное поэту-другу Я. Вохменцеву, щедро дарившему людям тепло своей души.

Поэт влюблен в свой край. Поэтому ему и дано открыть в нем то, мимо чего обычно проходит равнодушный взгляд. Любовь к земле отцов вызывает желание и готовность служить ей, внося в общее дело «частицу своей души и своего тепла». Отсюда же идут поэтические сердца, обращенные к себе и людям: «Честь беречь и преданность сыновью» родной земле!

В стихах о малой родине все сильнее звучит лирическая струя, и это делает их особенно близкими читателю. Жаль только, что в книге отсутствует стихотворение «Зауралье мое», проникнутое острым чувством любви к жизни и ставшее хрестоматийным.

Стихи А. Пляхина о Великой Отечественной войне, представленные в сборнике «Сердцу близкое», знакомят с мыслями и переживаниями советских людей в годину испытаний. Стихи эти, прошедшие через сердце поэта-фронтовика, являются продолжением его раздумий о Родине, о судьбах современников и жизни родного края, откуда он «с тоскою и болью начинал фронтовые пути».

Механик-водитель самоходного орудия, А. Пляхин прошел с боями путь до Берлина, оставив на стене поверженного рейхстага свой автограф. В перерывах между боями он писал стихи о горечи утрат и радости побед, о накале ненависти к врагу и силе духа героев сражений.

В стихах о войне нет описания кровавых битв. Они наполнены размышлениями о пережитом, впитали гнев и боль солдата, его волнения и тревоги, надежды близких и безмерную тяжесть потерь. Это стихи, идущие от сердца поэта, близко видевшего смерть, неисчислимые страдания людей, вызванные войной. В них нет выдумки, игры словом. Они выстраданы и поэтому глубоко правдивы, искренни и чисты.

Заложенная в стихах сила чувства передается читателю, отзываясь болью, уводит в мир близких поэту тревог и радостей. Разве может оставить кого-нибудь равнодушным драматический накал «Баллады об отце», воскресившей память о героях войны, шагнувших в бессмер-

тие!? Разве забудется встреча солдата с поседевшей матерью, чье «зябкое страдание во взгляде» отразило пережитое за военные годы!?

С грустью смотрит поэт на редеющий строй ветеранов, побелевших, как снег, и тающих, подобно ему. Вспоминает о безмерной тяжести военных лет, когда люди «сели в тридцать», и с тревогой спрашивает: неужели ныне «угасла святость седины», исчезло из памяти минувшее? Нет! Следы войны остались в потухших взглядах вдов и матерей, в незаживающих ранах солдат, в скрипе костылей, в болях фронтовиков. Ведь

С Победой все живые повстречались,
С войной не все простились до сих пор!

Он уверен, что «крови павших время не остудит», не померкнет в сердцах людей память о погибших во имя жизни. Из глубин сердца звучит призыв: пусть имена павших за родную землю будут нетленны, вечно живут «в нашей совести»!

Стихи о войне со своим словом о ней вливаются в могучий поток литературы нашего времени, отстаивающей святое право людей на мир и человеческое счастье.

Внимание поэта все сильнее привлекает нравственный аспект человеческой жизни, моральный облик современника. В последнем сборнике этой теме посвящено около десяти стихотворений о нравственных приметах времени, о правде и лжи, добре и зле, чистоте помыслов и низости падения людей.

В изображении человеческой накипи поэт бескомпромиссен и резок. Гневно разит его сатира анонимщика и наушника, лжеца и завистника, способных обогатить человека, лишит покоя, отравить ему жизнь. Высвечивая отдельные сцены из быта, он с едким сарказмом обрушивается на бездушие и эгоизм («А он – сидит...»), язвительно высмеивает «ультралюбь от публичного дома», заимствованную из чуждого нам мира («Из каких же краев?...»).

Включенные в книгу четыре поэмы соединяют далекое прошлое («Алеша») с проблемой нравственной ответственности человека перед другими в наши дни («Возле чужого счастья»). Поэмы А. Плехина требуют особого разговора, заметим только, что успех поэта в этом жанре зависит от его умения сплавить эпос и лирику, достигая высокой степени самовыражения.

В нашем тревожном мире поэзия не может быть благодушной, умиротворенной, нейтральной. Она призвана служить людям прав-

дой раскрытия жизненных явлений. Лучшие произведения А. Плехина, отмеченные гражданской окрыленностью, и служат этой цели.

Откликаясь на зовы времени и сердца, поэт следует традициям русской классической и советской поэзии. В его стихах соединились боли и радости человеческие, переживания военных лет и непреклонная воля к миру, гордость за героические дела современников и чувство тревоги за любовь, опошленную улицей.

Стихи волнуют и тревожат, так как в них звучит доверительная исповедь поэта, обращенная к читателю-другу. Они привлекают емкостью и простотой слова, способного передать многообразие человеческих настроений. В них соединились высокая патетика и лирическая задушевность, разящая сатира и теплый юмор.

Пришла пора зрелости, требующая повышенной ответственности за мысльемость поэтического слова, свободного от описательности и декларативности, показной красоты и бездуховности. В стихах А. Плехина все заметнее тяготение к масштабности в изображении жизненных явлений, к философскому осмыслению бытия.

Книга «Сердцу близкое» – хороший подарок книголюбам. В ее поэтический мир вводят и прекрасные иллюстрации художника Т. В. Меженовой, сумевшей передать эмоциональный настрой творчества поэта.

– Советское Зауралье, 11 апреля 1982 г.

АЛЕКСЕЙ ПЛЯХИН НА ВОЙНЕ И ДОМА (к 85-летию со дня рождения)

Иван Яган

Сборники стихов Алексея Пляхина у меня всегда под рукой. Может, половину стихотворений и поэм знаю наизусть, хотя специально не заучивал. Многое из написанного А. Пляхиным читал в рукописях. Нередко приходилось выступать с ним в различных аудиториях, в который раз слушать его одно и то же произведение в авторском исполнении. И каждый раз казалось, что слушаю его впервые, всегда испытываю как бы первородное волнение. В чем же секрет такого непреходящего обаяния поэзии Алексея Пляхина? На этот вопрос не так-то просто ответить. С годами пришел к твердому выводу: творчество Алексея Пляхина нельзя рассматривать в отрыве от личности поэта, его судьбы. Между ними не существует ни малейшего водораздела, разрыва.

Проба пера Алексея Пляхина началась до войны. Писал и в войну. С годами накапливался опыт жизни, росло и совершенствовалось мастерство. Но как в ранних, так и в поздних стихах главная суть не менялась: и в лирике, и в стихах гражданского содержания, и в юморе он остается предельно искренним и распахнутым. Перечитывая циклы, сборники стихов и поэм А. Пляхина, замечаешь завидное постоянство его отношения к жизни, незыблемость нравственных принципов. В его творческой биографии были поиски и раздумья перед новым этапом в работе, но никогда не было периода, когда бы он занимался формальным экспериментированием в угоду модным веяниям или конъюнктурным соображениям.

Чего греха таить, мы являемся свидетелями того, когда в современной поэзии, как и на эстраде, иные пытаются нехватку таланта и духовную скудность возместить внешними атрибутами: изобретают несвойственные русскому языку и русской поэзии словесные новообразования, исполняют песни и вниз головой, и на одной ноге, взбрыкивая другой выше собственной головы и микрофонной стойки. Отними у такого певца микрофон, и он вмиг окажется рыбой на песке. Сколько было их, поэтических бабочек-однодневок, пестро промелькнувших на горизонте и бесследно канувших в небыль.

Следуя лучшим традициям русской и советской поэзии, Пляхин считал и считает: лучшим способом «ходить по земле» является тот, которым пользуется подавляющее большинство человечества. Не

только для себя считает, но и в стихах смело срывает маски и бутафорские покровы с тех, кто на самом деле оказываются «голыми королями».

Сам плоть от плоти народа, поэт питает свое творчество из народных истоков. Все достойное в современной поэзии он воспринимает всецело, безоглядно, но жестко непримирим к неестественному, фальшивому не только в литературе, но и в жизни вообще. Непримирим побойцовски, по-солдатски. Ему чужды рутина и ретроградство. Он всегда и во всем искренен. Искренне можно ошибаться. Но глубокое знание жизни, каждодневное осязание ее пульса позволяют поэту безошибочно держаться верного и надежного фарватера. Перечитайте его сборники «Зауралье мое», «На тополином берегу», «Перелесковый простор», «Сердцу близкое», «Исповедь» – и вы увидите, какими тревогами и думами жил поэт, о чем его печаль и что его радует, какие принципы исповедует. Это нескончаемый бой за чистоту человеческой души, ее красоту. Это желание бывшего солдата-фронтовика: видеть счастливым все сущее на земле.

В одной заметке невозможно сделать полный и детальный обзор созданного А. Пляхиным за многие годы. Но сегодня нельзя обойти одну из главных тем его творчества – темы войны и мира, темы исполненного солдатского долга. Она им выстрадана лично. Он знает высокую цену Победы и потому так ревностно и пристально присматривается к жизни, поступкам тех, кто пожинает ее плоды, возвращенные

на неисчислимых тяготах и страданиях, на невосполнимых утратах.

Есть в книге А. Пляхина «Сердцу близкое» раздел «Да, так велик он, памяти запас» и поэма «Возле чужого счастья». Не ошибусь, если скажу, что и стихи, и поэма составляют наиболее весомую часть из всего написанного поэтом. Здесь с наибольшей силой, наиболее рельефно и зримо проявились грани его таланта, все его слагаемые: и обнаженность нежного сердца, и мудрость опыта, и умение найти единственное, точное слово, и образ, и суд беспокойной памяти.

Сегодня мы, участники войны,
Везде и всюду, как на пьедестале,
Таким вниманием мы окружены,
Что от вниманья этого устали.
Мы по России-матушке по всей
Как снег белеем и, как он же, таем.
Быть может, завтра книги
Расскажут юношам о были грозных дней,
Которую мы лучше книжек знаем.
Да, так велик он, памяти запас,
Что весь в строку вовек не воплотится.
Поэтому – рассматривайте нас.
И слушайте. Вам это пригодится.

В стихах названного цикла – боевая биография поэта. С последнего курса Чашинского молочного (какая мирная профессия ждала юношу!) техникума Алексей Пляхин ушел в армию в феврале сорокового года. В Свердловске учился на командира танка. В районе города Ельцы, во время больших военных учений застала его весть о войне. И горечь отступления, и гибель безоружных людей, и угроза окружения оставили неизгладимые зарубки на сердце. Потом – дорога на запад, дорога не скатертью, а с боями, с гибелью друзей. Механик-водитель самоходной артиллерийской установки, старшина Алексей Пляхин форсировал Буг, Вислу, Одер, освобождал Люблин, Варшаву. На Эльбе встречался с американскими солдатами. Ав поверженном Берлине на стене рейхстага начертал свою победную надпись: «Чаши – Берлин!».

Не позабыть, как в страшную годину
Мы после боя никли от того,
Что убыл полк опять наполовину,
А раненных опять – ни одного.

И снова – бой. И снова – та же сводка.
А я судьбой помилован опять.
От ран меня спасала самоходка.
А что спасло от смерти – не понять.

Это, так сказать, поэтическая констатация факта. И, наверное, поэт ради этого не стал бы браться за перо. Его душу жжет и мучит другое:

Прошел войну, и назван ветераном.
И грудь узка для боевых наград.
А вот по-настоящему не ранен...
Но разве я, ребята, виноват?!

В этом и есть поэтическая, человеческая суть. Незаживающие раны памяти, может быть, больней многих других. Эта боль родила и такие строки: «С Победой все живое повстречалось, с войной не все простились до сих пор».

Поистине хрестоматийным можно назвать стихотворение Алексея Пляхина «В том Берлине». Эпиграфом к нему он взял сообщение из газет: «В Западном Берлине при ремонте здания бывшего рейхстага снят купол, над которым в 1945 году был водружен стяг Победы». Хотелось бы полностью процитировать эти стихи, но вот хоть три последних четверостишья:

... Не видно росписи настенной –
Затерты наши письма.
И ждет рейхстаг, немой, надменный,
Что повторятся времена.
И не маячит над рейхстагом
Крутого купола каркас,
Чтоб на него с победным стягом
Россия вновь не поднялась.
Но мы, сыны, отцы и деды,
Коли нужда возникнет том,
Куда поставить стяг Победы,
И кроме купола найдём!

Нет, это не угроза. Это суровое напоминание тем, кто забывает уроки войны. Об этом напоминает солдат Великой Отечественной, поэт из зауральского города Кургана Алексей Михайлович Пляхин.

Из книги «Многоликая и самобытная». Куртамыш, 2007.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ГЛЯЖУ НА СТАРЕНЬКОЕ ФОТО...

В студенчестве – признаться откровенно –
Свой завтрашний обдумывая путь,
Не мог себя представить я военным
И не стремился к этому ничуть.
Но жизнь меня с гражданского причала
Сняла, втянув в иную канитель.
А я не верил, даже получая
Буденовку, обмотки и шинель.
Мне улыбнуться искренне охота
Сейчас, когда с вершины возрастной
Рассматриваю на давнишнем фото
Себя в экипировке боевой.
Насупленный и даже отощавший
До звона – это помнится – в ушах!
Вчера команд не знавший, не слышавший,
Сегодня без команды – ни на шаг.
По ней, родной, – от зорьки и до зорьки
Ложусь, встаю и даже ем по ней.
И каждый сантиметр на гимнастерке
Становится грубей и солоней.
Смотрел я, окончательно завянув,
На эту жизнь, как на кошмарный сон...
Но вот однажды капитан Авсанов –
Комбат – явился к нам на полигон.
Подтянут, строен, речь немногословна,
Не донимал муштровкою, хотя
И жал – по долгу службы, безусловно,
На дисциплину жал он не шутя.
...Винтовка била молотом в плечо мне,
Когда давил я в страхе на курок,
И этот труд казался мне никчемным:
Помилуй бог, какой же я стрелок!
Но вот боец, проверивший мишени,
Комбату бодро делает доклад.
И у того глаза похорошели,
И улыбнулся ласково комбат
И мне сказал: «Вы будете солдатом!
За службу, за стрельбу благодарю!»
А я стою... стою перед комбатом,
Одновременно мерзну и горю.
Я онемел к великому конфузу,
Но спохватился – руку – к козырьку:
– Служу... Служу Советскому Союзу!.. –
И до сих пор забыть я не могу,

Как на душе мгновенно полегчало,
Прибавилось в ней светлого огня,
И хмарь в груди, томившая сначала,
Отстала моментально от меня.
Почувствовав, что я других не хуже,
Встречал, как праздник, каждый новый день,
Повеселел и затянул потуже
Свой узенький брезентовый ремень.
А тут – война. И служба затянулась.
Но и на фронте, как в родном доме,
Я бойко жил, командам повинуюсь
И воинскому долгу своему...
Гляжу на это старенькое фото,
Тоскую и на том себя ловлю,
Что снят, увы, с военного учета,
Что без команды бодрствую и сплю,
Но армию любил я и люблю!

ПАМЯТНИК ПОКОЛЕНИЮ

Года стремительно и звонко
Шагают вдаль, бегут, летят.
Уж молодость, как киноплёнка,
Прошла сквозь жизни аппарат,

И невозможно ни мгновения
Назад вернуть из прошлых лет,
И все же... все же сожаления
Я не испытываю, нет:

Из нас когда-то каждый поднял
Огромный груз и нес, гордясь.
И в том, чем счастлив мир сегодня,
Есть часть какая-то и нас.
Она, та часть, была когда-то
Любовью нашей и мечтой,
И болью воина-солдата
В тревожной были фронтовой.

А ныне это – вспышки сварок,
Заводов новых голоса,
И новых улиц и бульваров
Многоголосая краса.

И золотое море хлеба
В краю разбуженном степном,
И свежесть солнечного неба
И наш корабль межзвездный – в нем.

Все это – памятник отчасти
И поколению моему.
Я за одно такое счастье
Сто легких счастлих не возьму!

Желанный, добрый дом наш отчий.
Я часто думаю о том,
Какой был умница тот зодчий,
Который создал этот дом!
Он, этот дом, - не только стены,
Не только крыша над тобой,
А все, что рядом неизменно
В охвате дымки голубой.
Гудят здесь ливни и метели,
Тут всяких всячин не избыть,
Нам в этом доме с колыбели
И до скончания жить и быть.
И постигать науку жизни,
Как обязательный предмет,
Нужней которого, капризней,
Трудней и радостнее нет.
И вот я в нем, родимом, отчем,
Годину злую перебог.
И мой последний час отстрочен,
На сколько - знает только Бог.
Но я не рвусь с вопросом к Богу,
Когда и где мою дорогу
Он доведет до тупика –
Мне не до этого пока:
Все дни мои и все недели
В житейской вязнут канители.
И нет сегодня у меня
Ни одного такого дня,
Чтобы вздохнуть в тиши укромной
От круговерти неумемной:
Тут сын сживает мать со света,
Там нервы треплет рвач и хват.
И там, и тут, и то, и это
Взывает к совести солдат.
А мы еще пока что – в силе,
Пока что порох не иссяк,
Ведь нас рожали и крестили
Не за морями, а в России,
И не смириться нам никак.
Со всем, что доброе калечит,
А вероломное уютит,

Со всем, что совести перечит
И справедливости претит.
Нам нет покоя в отчем доме.
А ко всему тому солдат
Принес с войны вчерашней, кроме
Высоких воинских наград
И невеселые «дарения»,
Запас которых до сих пор
Нас принуждает, к сожалению,
Терзать врачей и медсестер.
Им с нами сущая морока,
Но что дано нам, то дано,
И расставаний раньше срока
Нам избежать не суждено.
Но тяжелей сейчас потери
Тех, что от нас отдалены:
За многолетие без войны
Мы так к друг другу прикипели,
Друг другу стали так нужны,
Что нам не только час отраден,
Но даже несколько минут,
Когда, с тобою сидя рядом,
Друг украшает твой уют.
Он может словом боль утешить,
Взбодрить им твой настрой и дух,
И даже всхлип души услышать,
Тобой не выказанный вслух...
Нет, я отнюдь не привередник,
Но кто оспорит – кто из вас?,
Что близкий, умный собеседник
Дороже золота подчас:
Бурлит такое нынче в душах,
Кипит такое на устах,
Что нужен рядом мастер слушать,
Причем, и сам сказать мастак.
Который чужд при этом позы
И не охотник никакой
Лить нескончаемые слезы
По части участи людской,
Чтоб с ним, часов не замечая,
Хотя и скуден их запас,
Перекрутить за чашкой чая
И то, и это в сотый раз...
А помню, помню я такого
Чаявника немолодого.
Дружить с ним было - благодать,
Он мог меня не с полуслова,
А с полувздоха понимать.

Но тем он был нам дорог трижды,
 Когда, неистов, прям и смел,
 Он вдруг взвивался против кривды,
 Которой с детства не терпел.
 И получал головомойки
 За «неразумие» свое.
 Он не дожил до перестройки,
 Но был предвестником ее.
 И он ушел от нас. Но эту
 Непримиримость с кривдой злой
 Оставил нам, как эстафету
 Железной дружбы фронтовой,
 И мы несем ее, как можем,
 Крепясь в редееющем строю,
 И не рассчитываем тоже
 На благодарность ни на чью.
 Но ни над кем себя не ставя
 И опуская якоря,
 Мы о себе подумать вправе,
 Что мельтешили в этой яви
 Недаром все-таки, не зря.

РОДСТВО

В Тобол роняя неба синеву,
 Прошив реку узором тальниковым,
 Простерся край,

в котором я живу,
 И где Урал с Сибирью состыкован.

К нему ли,
 к ней ли тот приписан дом,
 Где чтут меня не праздным постояльцем?
 Всю жизнь меня зовут сибиряком
 И целый век зовут меня уральцем.

А кто же я в действительности есть?
 Сильней всего к какому тянет краю?
 Урал ли мне Сибири предпочесть,
 Или Сибирь мне предпочесть Уралу?

На это я одно могу сказать,
 Гордясь родством,
 как верною любовью:
 Урал с Сибирью мне отец и мать –
 Мне их друг другу
 не предпочитать,
 А честь беречь и преданность сыновью.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Она лежит, согнувшись, как подкова,
 Вокруг небесной сини озера.
 Ее селяне звали Кабаково,
 Хотя тут никогда и никакого
 От века не бывало кабака.
 Да и нужды мы в нем не знали сроду,
 Хотя судьба и нам дарила дни,
 Когда мы пили, помнится, не воду
 В великолепном обществе родни.
 А в будни хлебоборам до того ли,
 Когда в селе все думы о земле,
 И не сходили с наших рук мозоли,
 Чтоб жаркий хлеб дымился на стопе.
 Порою нас так парила работа,
 Что обжигало потом до костей.
 И мы, вослед за градинами пота,
 Валились тяжко наземь, как в постель.
 А на заре, ни капли не печалась,
 Что завтракали чуть не на ходу,
 Мы к борозде вчерашней возвращались,
 Чтобы скорей продолжить борозду.
 Не потому ли хлебная краяха,
 Дыша сгущенным запахом полей,
 И в этот час до сердца и до слуха
 Доносит песню юности моей.
 И грустно мне, что эту песню снова,
 Как прежде, спеть сегодня не смогу
 В моей родной, лежащей, как подкова,
 Деревне на пологом берегу.

СТРОКИ О ДРУЖБЕ (Из солдатских раздумий)

Не странно ль: годы на исходе
 И помолчать бы не грешно,
 К тому ж о ней, о дружбе, вроде,
 Говорено немало. Но...
 Чем старше мы, тем нам виднее
 Все, что лежит за далью дней,
 И тем желание сильнее
 Пофилософствовать о ней –
 Не принужденно, не натужно,
 А с совестью лицо в лицо
 И вникнуть в то, что слово дружба
 Не легковесное словцо.
 К тому ж при мне сегодня – опыт,

До грамма взвешенный горбом.
 А он – по грамму тоже – добыт
 При восхождении возрастном.
 И нет у времени застоя,
 Его девиз один – вперед!
 А я решил наоборот –
 Ревизовать пережитое,
 Пересмотреть за годом год.
 Но не дает, увы, утех
 Саморевизия: кругом
 Сплошные видятся огрехи
 На поле жизненном моем.
 Не спутанный хорошим путем,
 Во младости, признаться, был
 Я неумным шалопутом
 И крепко сам себя любил.
 Как будто пьян был. Но похмелю
 Был недалек и день, и час:
 За желторотиков, за нас
 Бралась война. Бралась прицельно,
 Стирая каверзные бельма
 С привыкших к праздничности глаз.
 Она во всю входила силу,
 Косой безудержно звеня,
 И за могилою могилу
 Холмила около меня.
 И притулить к тому же ряду
 Мою она сулила мне,
 Но не смогла, зато браваду
 Похоронил я на войне...
 И смыл с меня былую одурь,
 Война нам высветила вдруг
 Всю глубь и суть того, что сроду
 Под спудом было в слове друг.
 Мы эту суть, однополчане,
 Открыли на передовой,
 Когда услышали впервой,
 Как словом друг нас величали,
 А мы растроганно молчали,
 Как будто орден получали,
 Особый орден боевой.
 И это слово, это имя
 В крошечный уносили ад,
 Откуда, знали мы, живыми
 Не все воротятся назад.
 И память мне не перестала
 Твердить, к тем возвращаясь дням,
 Что должен я в большом и малом

Быть верным дружбе и друзьям,
 Не изменяя этой вере,
 А за доверие друзей
 Платить им тем же в полной мере
 На протяжении жизни всей –
 Платить, и чтобы эта плата
 Полна была того добра,
 Которым мы - солдат солдата –
 Умели радовать вчера.
 Чтоб отражалось это зримо
 В поступке каждом и любом,
 Когда вернемся из Берлина
 В желанный, добрый отчий дом.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Начав с волнением строки эти,
 Я вижу вновь, как в добрый час
 С войны жестокой возвратясь,
 В редакционном кабинете
 Его увидел в первый раз...
 Читал его стихи на фронте,
 Ни слез, ни счастья не тая:
 Мне виделась на горизонте
 Россия, родина моя.
 А здесь, во всей могучей силе,
 От губ сияя до бровей,
 Предстал он сам, Сергей Васильев,
 Со всей душевностью своей.
 Предстал, как мог предстать лишь воин,
 Который горьких бед хлебнул,
 Широкоплеч, высок и строен,
 Широкобров, ширококул.
 И наяву, а не с экрана,
 Нас притянуть к себе успев,
 «Прямые улицы Кургана»
 Читал немного нараспев.
 Читал стой простотой отрадной,
 Как будто нашу жизнь листал,
 Так ни один артист эстрадный
 Не мог читать и не читал.
 А мы сидели, как немые,
 Строку глотая за строкой:
 «Курганаулицы прямые...»
 И жег нас гордый непокой.
 «И если ярость азиата
 Во мне, как брага, разлита,

Так это наша виновата
Сквозная даль и прямота!..» -
Читал поэт, и эта ярость
Не просто наших душ касалась,
Она и в нашу плоть вливалась,
К добру взывая и маня.
Ее до нынешнего дня,
Дороже золота цена,
Ношу в себе я, хоть и старость
Топочет около меня.

ТАНЕ Из семейного альбома

Дай ручку, девочка моя.
Я – папка, папка твой.
Давай насчет життя-бытья
Поговорим с тобой.
Конечно, ты еще мала,
Но в этом горя нет.
Ну, каковы твои дела,
Каков он, белый свет?
Не странно ль то, что там и тут
Тебя еще пока
Не Таней – «прибылью» зовут,
Но это – чепуха.
Не обижайся: этот чин
Наиважней всего –
Ведь нет ни женщин, ни мужчин,
Чтоб обошли его.
Твоей исполнилось судьбе
Три дня всего, а тут
Нам с мамкой год уж о тебе
Вопросы задают.
И даже были чудачки
И взрослые вполне –
Авансом жали две руки:
И матери и мне.
И потому, смотри, едва,
Едва ты родилась,
А это знает уж Москва,
И знает уж Донбасс.
Желают счастья на век
Москва тебе, Донбасс.
С таким радушьем человек
Встречается у нас.
И, всей страной благословлен,
Отчаливает в жизнь:

Кружись в ней, весел и влюблен,
Но – чур – не закружись.
Живи да только не устань.
Уставшим честь мала.
Хочу, чтоб лучшею из Тань
Ты, девочка, была.

Таня
дай ручку, девочка моя,
я – папка, папка твой,
давай насчет життя-бытья
поговорим с тобой

Котенка, ведь еще мала,
но в этом горя нет.
Ну, каковы твои дела?
Каков он, белый свет?

БЕЛОЗЕРКА

До солнца поднимается пространство,
Где облака, пушисты и легки,
Касаются зеленого убранства,
Распоротого лезвием реки.
Над тальниками пташек перестрелка,
Протяжный гай над высью тополей.
А к берегу прилипла Белозерка –
Село далекой младости моей...
Вчера лишь только ветры отшумели
И прибыл я на родину с войны,
Шагаю вдоль по улице в шинели,
Еще не сняв погоны старшины.
Встречаюсь и здороваюсь с такими ж
Вчерашними армейцами, как я,
Которые – я радуюсь доньше –
В моей судьбе как будто братовья.
Под небосводом, синим и бездонным,
(В нём столько чистоты и красоты!)
Мы заняли по ведомствам районным
По-фронтовому жаркие посты.
Нас новые тревоги и заботы
На новый перестраивают лад...
Но вот уже с военного учёта
Снимает нас родной военкомат.
О, годы!.. Неужели, неужели
Вы пронеслись со скоростью такой,
Что сроки неотвратные приспели
Нам уходить, не споря, на покой!
Ужели нету средства никакого
Шинелки той почувствовать тепло.
И в ней вернуться в прошлое и снова
Увидеть то же самое село,
Чтоб те же были улицы и тропы,
Лежавшие под шагом молодым...
Но вот я слышу тополиный шепот,
Протяжный гай, повиснувший над ним.
Шагаю по селу, что у Тобола,
И кланяюсь стареющим друзьям,
Которые, беседуя с тобою,
Молчат о том, что старишься и сам.
А может быть, не замечают старости,
Их не смущают борозды на лбу,
Когда в душе — ни боли, ни усталости
И никакой обиды на судьбу!

Алексей Пляхин (в нижнем ряду слева)
в конце войны с боевыми товарищами

Их нет. Они... Да что же это, что же? –
Меня мои ровесники ... моложе,
Я старше их на много-много лет.
И уж давно не с ними, не с друзьями.
А только с их общаюсь именами
Да душу раздирающими снами,
Конца которым не было и нет...

